

ПОДДЕЛКИ.

Много раз приходилось наткаться на разные художественные подделки. как среди старинных картин так и даже моих собственных. Был пьяненький Вечтомов, которому ловкие продавцы картин заказывали писать под Рембрандта. Говорят, что в пьяном виде он особенно хорошо подражал. Нам пришлось видеть две его подделки и одна из них была действительно талантливо сделана. Семенов Тяньшанский и Селиванов оба хотели иметь эту картину. Селиванов до самой смерти уверял, что это вещь подлинная. Когда же я ему говорил и указывал, что под всякими искусственными наносами доска не старая, у него и на это была отговорка. Он напоминал, что картины бывали перенесены не только на холст, но и на более поздние доски. Среди новейших подделок были под Левитана, под Коровина, а также мне пришлось видеть три подделки под меня. Впрочем в двух случаях была подделана лишь подпись под оригиналами Рушца и Вроблевского. На одном из них Рерих было через "Ъ". Но третий случай был довольно необычный. Была написана большая картина составленная из разных моих деталей. Были на ней и ладьи с красными парусами и русский город, и воины с червленными щитами - словом кто-то об'единил несколько моих сюжетов. Коллекционер заплатил за нее пять тысяч рублей и очень радовался покупке, пока мне не пришлось разочаровать и огорчить его. Даже подпись была сделана довольно похоже. Не забуду также эпизод в мастерской М.П.Воткина, когда мы с Яремичем пришли выбрать несколько вещей для музея. В мастерской все стены были увешаны разнообразными и подчас очень хорошими этюдами. Обычно, показывая мастерскую, Воткин широким жестом указывал на стены как бы приглашая смотреть, и все заключали из этого, что он показывает свои вещи. При этом многие удивлялись насколько вещи более ранние были много лучше последних. Мы отобрали для музея семь вещей но когда отмыли грязь, то из них пять оказались принадлежащими^{ми} другим художникам и три даже с подписями, - Чёркова, Саврасова и еще кого-то той же группы. И такие эпизоды бывают. Не забудем, что иногда некоторые художники без желания подделать очень близко подражали кому либо. Так например Замирайло мог чудесно подражать Врубелю.

Превратна судьба художественных произведений. Много раз приходилось убеждаться, как картины совершенно могут менять вид свой не только от реставрации, но и от необъяснимых химических процессов. Зависит это не только от красок, но и о всех прочих ингредиентах. Холст может сыграть самые дурные шутки, не говоря о досках или палках. При перевозе картин в разные климаты, происходят самые безобразные явления. Каждое путешествие - для художественного произведения - большой искуc. А после когда то в научных трактатах будут приписывать художнику то, о чем он и не помышлял. Каждый художник может из своей жизни привести множество подобных примеров. С одной стороны требуются выставки, но каждая из них терзает экспонаты. После пятидесяти выставок мое "Сокровище ангелов" изменило даже формат. Каждый раз холст перетягивался и съедалась часть картины. Кто то думает поворить об изменившихся красках, но вспомним, какие дорожные неприятности нам пришлось претерпеть. Иногда из дальних краев картины приходили в подмоку виде - например из Тибета. В Венеции картина покрылась густой плесенью. А как неест живопись в темных кладовых или выцветает под прямыми лучами солнца. Можно бывает судить о первоначальных красках лишь по кайме прикрытой рамкой, но что бывает! Пишут, что нашли мою картину в таможенном доме на острове. Как попала она туда? Видел я "Зовущего", сложенного как носовой платок. Обидно до неузнаваемости "Песнь о викинге". Стерта пастель "Три волхва". Пропала во время войны "Ункрада". Пропали многие картины, бывали изрезаны. Где "Крик змия", "Зарево"? "Граница царства"? "Три радости"? Говорили, в одном польском замке во время наступления видели много картин, среди них шесть моих. При отступлении оказалось сожженным. В старых каталогах можно находить много картин и скульптур, потом навсегда пропавших. Всякие вандализмы свирепствовали по миру. И сейчас и на Западе и на Востоке гремят взрывы и уничтожаются многие творения. Люди уже думают о подземных тайниках, о песочных мешках для охраны. Не поговаривать ли прочным пещерам троглодитов. В гротах Алтамырн сохранились рисунки лучше чем в некоторых Музеях.

Пришлось встречаться со многими собирателями. Не говорю о собственных коллекциях в которых они сами не принимали участия, как Строганов, Юсупов, Нарышкин, Кочубей, Шувалова, Лейхтенбергский и другие наследственные собственники. Гораздо интересные были три группы живых собирателей, горевших каждый по своему и любивших избранную ими область. Три группы эти дали стране много культурных страниц. Вспомним Семенова-Тяньшанского, Голенищева-Кутузова, Делара, Врангеля, Путятину, Шидловского, Воткина, Мякинина, Щавинского, Селиванова, Тенишеву, Рейтерна, Митусова, Тевяшова, Ильина, Толстого - большая группа и ведь это только одни Питерские собиратели. Не все из них были богатеями. Многие отдавали в собирательство все свои средства и заработки. Как часто бывает семейное окружение нередко препятствовало собирательству, считая его не дельною забавою. Помню, как Голенищев-Кутузов деликатно жаловался друзьям на непонимание близких. Да, кажется и Шидловский не был очень поддержан своими. Также нередко увлечения собирательством объяснялось чем-то своекорыстным для удовлетворения самолюбия. Находились люди, которые обвиняли в этом и Тенишеву Семенова-Тяньшанского, Мякинина... Всегда люди судят по себе. Вторая группа состояла из художников собирателей. В нее входили Александр Бенуа, Яремич, Браз и другие художники. Надо отдать справедливость, что такое собирательство среди людей знавших историю разных отраслей искусства вносило особую изысканность. Третья группа была особо трогательной. В ней были такие самоотверженные собиратели, как Крачковский, Слепцов, Степанов... Полковник Крачковский не имел никакого личного состояния и собирал что называется "на гроши". Собирал он современных художников, которые видя его искреннее рвение охотно отдавали ему не только эскизы (- он их особенно ценил,) но и картины. Пример Слепцова мне приходилось приводить не один раз. Он начал собирательство уже с первых студенческих лет. Как горел он и какие были у него прекрасные планы. Не обычный был собиратель, не обычна была и его трагическая кончина. Он умер на коне, во время верховой прогулки и как выяснилось уже мертвый был найден на следующий день все еще на коне. Можно назвать и еще несколько трогательных собирателей, которые горели уже от школьных лет.

Михаил Петрович Боткин рассказывал о своей покупке у гр. Строганова бюста приписываемого Леонардо-да-Винчи. — "Давно уже я примечал этот бюстик. Наконец попросил мажордома убрать его, иначе, мол, полотеры разоб'ют. Человек не глупый — убрал.

Прошли месяцы, а граф то и не заметил. Спрашиваю его: "а где же бюстик?" А граф то и забыл, говорит: "здесь ничего и не было". Я говорю: "нет, здесь стоял бюстик". Заспорили. Послали за мажордомом. Тот об'яснил, что от полотеров на чердак спря-тал. Вот я и говорю графу: "все равно, не сегодня так завтра разобьют. Лучше про-дайте мне". Граф говорит: "а сколько даете?" Вот представьте себе мое положение: и вещь то бесценная и денег то жалко. Ну, зажмурился и говорю: "пятьсот рублей". "Пятьсот пятьдесят — и ваша". Так бюстик ко мне и переехал.

Был и такой рассказ: "приходит к Бож^ькину старушка с Сассанидским блюдом. Тот дает два двугривенных, старушка хочет уйти: "пойду к другому". "Да к кому же пойдете?" "Пойду к Ханенко". "К которому?" "Да к Богдан Иванычу". Боткин крестится на икону: "Опоздали — вчера скончался. Друг мне был". И блюдо было куплено, а Ханенко здоровствовал." Рассказывалось это со слов старушки и Боткин хохотал: "чего только люди не выдумают."

Про Делярова говорили, что он смывает спиртом подписи для убеждения. Два раза он пытался лишить нас двух хороших картин. Дал я антиквару Напсу проглядити Э. ван-де-Вельде. Прихожу за картиной, ничего не сделано. Напс уверяет, что крас-ка так поднялась, что все равно вся отвалится и настойчиво предлагает купить картину. Другой раз почти тоже произошло с ван-дер-Нером. Напс показал мне нашу картину в самом ужасном виде — вся размыта, в пятнах, в бедях налетах. Опять пред-лагает купить картину и извиняется за порчу. Я понял, что ужасный вид наведен умышленно и настоятельно спросил Напса, для кого он устроил всю эту комедию. Напс был пьян и не выдержал: "да все Павел Викторович пристаёт, чтобы я достал от вас эти картины". Однажды антиквар Т. запросил несообразную цену. Я отказался. "Зачем деньгами, говорит, дайте какуюнибудь вашу картину, "и смотрит на свернутые холсты в углу." "Да ведь это разрезанные картины — обрезки". "Вот это мне и надо" и выхва-тил фрагмент пейзажа. Теперь он в одном иностранном музее. И такое бывало.

29

5

Т Е А Т Р .

К участию в театре потянул Дягилев. "Половецкий Стан" - в 1906 году в Париже дал отличные отзывы. Помню как сильно написал Жан Венар. Затем произошел "Шатер Грозного" для "Псковитянки" и "Сеча при Керженце" - для симфонической картины "Нитя"; одновременно Бакст делал "Шехеразаду". Помню, как изумился Дягилев увидав, что мы оба сами того не зная сочинили в красных и зеленых тонах. Тогда же Серов писал тоже для Дягилева занавес - неизвестно где сейчас остались оба эти панно. Сели ли их мыши или же они подмокли где нибудь и их разрезали на тряпки, - всяко бывает. В Лондоне в 1919 году я видел "Половецкий Стан" в таком потертom виде, что с трудом мог узнать первоначальный колорит. На небе зияла огромная заплата. Когда же я спросил, что такое случилось, мне спокойно ответил^и. "В Мадриде прорвали, там сцена была меньше." Потом пошло: "Снегурочка", "Валькирия", "Три Волхва", "Фуэнте Овехуна", "Игорь", "Салтан", "Садко", "Весна Священная", "Сестра Беатриса". В художественном Театре "Пьер Гюнт". Для Свободного Театра были готовы эскизы для "Принцессы Малэн". Марджанов очень мечтал об этой постановке. Венау хвалил эскизы, но в театре начались какие-то местные передраги и предстояло закрытие антрепризы. Марджанов шепнул: "Лучше заберите эскизы, как бы не пропали". На том и кончилось. Сейчас серия "Принцессы Малэн" разбежалась широко. Кроме русских собраний отдельные части имеются в Атенеуме /Гельсингфорс/, в Риксмусее /в Стокгольме/, в Париже и в Америке. Также широко разбросало и серию "Пьер Гюнта". Особенно помню эту постановку ибо тогда впервые пришлось встретиться со Станиславским и Немировичем-Данченко, и эти встречи остались среди лучших воспоминаний. А сегодня читаем о смерти Станиславского - еще одна большая страница перевернута. "Нунст унд Декорацион" назвал мои Вагнеровские эскизы лучшими среди интерпретаций Вагнера. Не забудется и скандал происшедший в Париже в 1913 году при первой постановке "Весны Священной". С самого поднятия занавеса какие-то "джентльмены" вынимали свистки и завывали так, что даже музыка была слышна с трудом. Бросалось в глаза, что свистки были принесены заблаговременно и свист и гам начинались с увертюры, - значит все было припасено заранее.

Многие битвы гремели. Были старания остановить, а то и просто стереть, уничтожить. Б. старался так расположить голоса при выборах, чтобы устроить вражеский перевес, но хотя бы одним голосом победа оставалась за нами.

После выставки в С. Луи в 1906 году 800 русских картин, весь русский отдел был продан таможеню с аукциона. Пропали моих 75 вещей. Разве ладно?

В Гельсингфорсе в день открытия выставки потухло электричество и снег завалил верхний свет. Разве хорошо?

В Стокгольме в день открытия выставки 8 Ноября 1918 года отрекся Вильгельм. Шведы были потрясены. Не ладно!

В 1920 году в Лондоне при открытии моей выставки чиновник из министерства иностранных дел уверял, что картины не мои, а сам я убит в Сибири. Вот какие дела!

В 1930. году в Лондоне Коренчевский мне лично сказал, что я не Рерих, а Адашев. И такие недлиницы бывали.

У Кингора во время открытия лопнуло электричество. Произошла паника. Не приятно!

В Музее в день открытия с трудом был предотвращен пожар. Только по случайности успели принять меры. А было 10.000 посетителей.

Храм в Талашкине в 1914 из за войны остался не конченным.

Уничтожены "Сеча при Керженце" и "Казань". Пропали: "Ункарада", "Зовущий", "Крик змея", и многие, Испорчены "Песнь о викингах", "Древняя жизнь", "Поход", "Поморяне", "Волокут волоком", "Три волхва" и многие.

С трудом нашли в Лувре "Замки Майтрейи". Кто хотел их присвоить? А где "Ростов Великий? А где "И отирываем" из Пекинского Музея? А как назвать проделки Кашанина? А где Пакт, после подписи 21 странами?

Сгорел "Гроссман и Кнебель" в 1915 году со всеми клише и манускриптом монографии. Пропали вещи у Белого. Хоронили в Англии.

Назвали Антихристом в Харбине. Поносили в Париже за оборону Родины.

Происходит хоршевский вандализм. Вот какие темные дела!

Можно припомнить битвы без числа. Повсюду темная рука пыталась разгромить. Но "говорят, что мы мертвы, а мы живы". Не только живы, но преуспели. Теряли находили. Видали предателей и учились распознавать их.

Битвагда будет благословенна!

О ходже Наср - Эддине рассказывают:

"У ходжи украли осла. На следующий день ходжа, плачась, рассказал об этом друзьям и просил их помочь. Выслушав его, они начали подавать ему советы. Один сказал: "Нужно на дверях конюшни повесить замок". - "Ну, что там вешать замок на обыкновенную дверь? Какой из этого толк? - заметил другой. - Толкнешь дверь - и она рассыплется". - "А что ты скажешь о стене вокруг дома? Отчего ее не сделать несколько выше?" - "Да ты живой был или мертвый? Ведь не за пазуху себе сунул вор здорового осла? Где ты был, когда он выводил осла из конюшни через двор от дверей, ведущих на улицу?" - "Послушай, я ночью двери запираю изнутри, а ключ кладу себе под голову. И вор не может никак сорвать замок и увести у меня - коровенку ли, осла ли". Словом, они засыпали ходжу бесполезными речами, упреками и попреками. Потеряв терпение, ходжа сказал: "Дорогие друзья, вы рассуждаете правильно. Но только все это относится к прошлому, а на сегодня от ваших слов пользы нет никакой. Ну, посудите сами: вся вина, стало быть, на мне? А вор так ни в чем и не виноват?"

Многие сказы о ходже часто припомнятся. Воры отлично обделяют делишки и совсем не много судей правильно решающих. Шемякин суд - будто бы сказка, но это было. Видали мы и судью Франкенштейна - имя почти такое же, только о монете напоминание добавлено.

Иудины серебрянники так и бренчат. Где уж тут культура? Где уж тут цивилизация?!

Некоторые понимают всякие происходящие ужасы и открыто возмущаются. Другие, хотя и понимают, но трусливо помалкивают. Во все трудные времена бывали так называемые "перелеты". Безстыдно они перелетали туда, где им казалось выгоднее.

Преступность растет. Похищаются дети. Процветают невольничьи рынки. Пятна на солнце или, вернее, на совести человеческой!

8

В столетней истории Общества Поощрения Художеств, кроме покровителей, деятелей, профессоров и учащихся должны быть упомянуты и служители. Они принимали и прямое и косвенное участие в деятельности Общества. Они знали все и не раз даже оказывали свое воздействие. Славные работники были Петр Мартынов и Петр Захарычев. Много трогательного можно о них сказать. Мартынов помер. Жив ли Захарычев. Крепкий служака был Андрей Одноглазый - на войне глаз потерял. Маститный Максим был как ходячий архив Общества. Знал Брюллова, Бруни, Островского, Григоровича. На вы не говорил. К телефону не мог привыкнуть. Бывало стучит кулаком в будке... "Чего шумишь?" "Да барышня видно заснула - не отвечает." И про турецкую войну умел рассказать и про выставку Куинджи и важно курил благовония перед высочайшими приездами. А медалей - некуда и повесить. Антон Усаченко не желал носить форму и называл себя императорским секретарем. Возил доклады в Царское Село для подписи. Спросишь "спешно"? И через четыре часа привозит подпись. "Как же ты это достал?" "А мой двоюродный брат камердинером. Я ему сказал, что срочно, а Император в саду гулял - он и поднес и подписи". Всего бывало! Самый тихий был Семен. Он то оказался разрушителем искусства. Была у нас выставка экстремистов. "Картины" были составлены из различных предметов. Были тут и листы газет и карандаши и всякие обиходные вещи. На грех - на одной картине висел молоток. А Семену понадобилось гвоздик вколотить - он и совершил неслыханный вандализм - снял молоток, приколотил гвоздь и обратно повесил. Устроители выставки приехали в ярости: "Глумление над художественным произведением! Поругание! Насмешка!" - и всякие угрожающие выкрики. Семен никак не мог признать свое преступление: "Да ведь я же молоток обратно повесил. Ничего от него не убыло!" Автор картины на-скакивал на Семена с самыми свирепыми эпитетами, а тот невозмутимо твердил: "Ваше му молотку я убитка не причинил и на место его повесил? Пришлось извиниться за "несознательного" Семена за его покушение на художественное произведение. Всего бывало! Добром помянем и Павла и Дмитрия и Ивана - погиб он на войне. Только высадили с поезда на позицию, а пуля в самый лоб. Он предчувствовал - когда уезжал.

НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ.

ю

Во второй половине 1917-го года, к нам в Финляндию начали приезжать друзья и сотрудники. Приезжала Добычина за картинами ибо все время на них увеличивался спрос, по очень крупным ценам. И Арбенин тоже просил картин, - думал что он скоропостижно умер и расчеты с ним все обрушились. Приехал и Химона от Совета и учащихся Школы. Были настойчивые приглашения и даже требования как можно скорее вернуться ибо все сочувствовали моему проекту преобразовать Школу в Народную Академию. Передавали также о моей кандидатуре в министры изящных искусств. Но нездоровье - несноснейшая ползучая пневмония - даже и в прекрасном климате Карелии все еще давала себя чувствовать. Хорошо, что после 50-ти лет всякие легочные невзгоды потом прошли. Говорят, что это обычное явление. Но во второй половине ноября я все же поехал для обсуждения Народной Академии, которая уже с давних времен была мне близка.

Вспоминаю сердечную встречу с товарищами преподавателями и с учащимися. Помню прекрасную беседу с Вольтером - было полное единение и понимание. Впоследствии в 1926 году Вольтер пришел к нам в Москве и написал под псевдонимом Солиг глубокую статью под названием "Как свежи заветы Учителя". Хотелось бы встретиться с этой группой наших бывших учащихся, в которых прочно остались заветы, им переданные. Из нашей Школы Общества Поощрения Худоместв, которая в сущности всегда и была истинно народной школой, было весьма легко развернуть Народную Академию. Следовало прибавить лишь несколько мастерских, дать мастерские для финансирующих Академию и наладить академические экскурсии для усовершенствования как за границу так и по всем окраинам нашей обширнейшей Родины. Наша Школа и без того была всегда внеклассовой, внерасовой и внепредрасудочной. Каждый мог учиться в любой отрасли искусства и совершенствоваться по своему свободному выбору. Не было требования о пребывании в каждом классе определенного времени, а кроме того даже окончившие Школу /совершенно как бывает во французских свободных мастерских/ могли опять записаться и набивать руку в любой избранной ими отрасли. Особенно ценно было, что наряду с живописью, скульптурой и архитектурным сочинением каждый мог работать и в прикладных мастерских, которых уже и тогда было очень много. На фабриках куда многие поступали после окончания мастерских очень ценились наши ученики, вносящие в технику и принципы настоящего искусства. Тогда здоровье не позволило мне заняться идеей Народной Академии. Так легко была исполнима эта нестольно-полезная мысль.

Америка осенью 1929 года явила страшное зрелище. После ряда лет благополучия, когда цены возросли и толпы потянулись к Молоху-бирже, грянул розвал, падение, разрушение.

Люди в день теряли миллионы. Святослав потерял семьсот тысяч. Шаляпин много потерял. Изуродался весь план наших учреждений. Программа была на нормальную жизнь, а тут все встало верх дном. Начались самоубийства и от потери денег и вообще от отчаяния, - все о'безумели. Наше учреждение должно было получить миллионное пожертвование. После бедствия приходит расстроенная жертвовательница: "От всего моего состояния осталось лишь сто пятьдесят тысяч...." Где уж тут говорить об обещанных жертвах.

Исчисляют, что такие беды бывают в Америке периодически, примерно через шесть- семь лет. Но как они должны влиять на характер всего народа. Странно, что такие примеры не предостерегают игроков. Не успеет танец смерти утихнуть, как уже готовятся новые жертвы Молоху.

Пришлось расстаться с собранием старинных мастеров. А ведь оно предназначалось для музея. Были отличные примитивы; один ушел в Чикагский Музей. Был и Рубенс и ван-Дейк и Брегель старший. Много чего было. Всегда жаль видеть распад.

Испытатели жизни должны пройти перед жутким зрелищем краха всей страны, перед народным безумием, перед волчьими аппетитами, которые ощеряются на чужих бедствиях. Где тут культура? Даже где тут цивилизация? Вспыхивает произвол. Восстание подчеловеков! Следует пройти и через переоценку ценностей, чтобы судить о планетарной относительности.

Жаль, сердечно жаль тех невинных, которые за свои ли давния прегрешения бывают ввержены в огненную гилею развала. Можно представить как гремит Армагеддон, как работают агрессоры. Много жутких зрелищ, но тридцать серебрянников - самое страшное.

Сейчас читали, что Рокфеллер, когда его благодарили за пожертвование, ответил, что "так как эта ^нлефта была денежная, то тем она малозначительна." Немногие придут к такой формуле. Немногие догадаются, что не доллар - король, а есть и другая ценность истинная.

Замечательны сны Елены Ивановны. Много их. Бехтеров записал часть. В начале Декабря 1916 был такой сон: Е. И. ходит по дворцам, пустынным и заброшенным. Видит группу художников "Мира Искусства" - они переписывают картины и обстановку. Затем вдали появляется отец Е. И. и манит ее поспешить за ним. Идут по каким то холмам, приходят к небольшому домику, окруженному оградой из шиповника. Синее небо и много цветов.

Тогда же для "Русского Слова" пишу, по обычаю, к Рождественскому номеру сказ "Страхи". Спрашивают, отчего такой сумрачный?

Подойли Рождеству, прошли школьные экзамены, Е. И. решила на праздники ехать в Финляндию. Все гостиницы оказались заняты, хорошо что Ауэр надоумил ехать в неизвестный нам Сердоболь /Сортавала/ на севере Ладуги. Решили, поехали. Конечно, бабушки и тетушки считали такую морозную поездку сумашествием. Было 25 мороза по Реомюру. Вагон оказался не топленным - испортились трубы. Все же доехали отлично. Сейрахуоне гостиница в Сортавале оказалась совсем пустой. Ладога с бесчисленными скалистыми островами - очаровательна.

^НФинны были к нам очень дружелюбны. Знали и любили мое искусство. Моя дружба с Галленом Калледа тоже была известна. Семья Солицевых - славные люди. Мы сняли дом Ихинлахти, имение Реландера. Поездка на праздники превратилась в житье. Для моей ползучей пневмонии климат Финляндии был превосходен. Ихинлахти была тем самым домом с оградой из шиповника, который Е.И. видела во сне.

Тогда же укрепилась мысль достать мои картины из Швеции, где они оставались с 1914 года после выставки в Мальме. Лето 1917 года - Ихинлахти. Зима 1917-18 Сортавала, Иенецен Талу. Лето 1918 - на острове Тулола среди разнообразных шхер ладож^ских. Поездка на Валаам. "Святой остров", /кажется он теперь в Русском Музее./ Россияне мало знали Ладогу!

Зима 1918 года - Выборг. Выставка в Стокгольме. Бьери и Мансон помогли - оба знакомы еще с Мальме. Затем выставка в Гельсингфорсе у Стриндберга. Атенуем купил "Принцессу Мален". Исторический Музей тоже хотел купить "Каменный

век", но у них имелась лишь малая сумма в 5000 марок.

Вспомнили мы с Е. И. наши прежние поездки по Сурми, - Нислот, Турку, Лохья, конечно, Иматра и каналы. Впереди была Швеция и Англия. Дягилев помог с визой и с выставкой.

Спасибо Петару Перуну за песню, за привет.

Прекрасное пожелание! Крепки устои народа, где слагаются такие светлые песни.

Поистине какие бы горы и моря не сложились между славянскими сердцами, но в глубине сердец этих все же будет гореть обоюдное братское стремление. Выразится оно в песнях, которыми живет и возвышается славянская природа. Не даром Пушкин так потянулся к песням южных славян. И правильно однажды сказал епископ Николай Велимирович про славянскую поэзию:

"Эта поэзия хранит в себе многое. Она хранит в себе дух, она хранит веру и надежду и любовь. Она для народа как страницы Библии."

Действительно славяне понимают, почему в сагах о Коссове король Лазарь заключает свою речь высоким словом, что "лишь Царство Господне останется на веки". И если мы возьмем дух сказаний, былин и сказок всех славянских народов, мы ясно почувствуем в нем то же осознание высшего великого царства, которому несут славу и честь герои славянские. Через многие тяжкие затруднения протекала история славянства. Не являются ли эти трудности именно пробными камнями для закалки клинка вечного духа?

Приветствую сердечный зов баяна и все дорогие мне встречи с Югославами; - в самом этом слове включено понятие славы, славы труда и подвига. Вспоминаю наши встречи с Пашичем, славным патриотом и сердечным славянином. Вспоминаю великого художника Югославии Местровича, ваятеля славы славянской. Вспоминаю государственного уму Макуранича. Вспоминаю и Спалайковича и Янковича и Петровича и Мелетича и всех, всегда отзывчивых, сердечных. Радуюсь великому воспитателю Радосавлевицу, о всех его призывах к свету. Не забуду всех трогательных писем Манойловича, неустанного носителя культуры. Помню слова Короля Александра, который сочетал в себе и воинскую доблесть за Родину и сердечное почитание искусств и науки. Такой водитель устремляет сердца народа к самому драгоценному и прекрасному.

Несторовская летопись, говоря о заложении Киева, трогательно подчеркивает любовь князя Дрослава к книжной мудрости. Водитель да любит искусство и знание.

Несказуемое - одно из замечательных речений Блока, когда он перестал посещать религиозно-философское общество. Там говорили о несказуемом. В каждой жизни имеется область несказуемая. Язык человеческий не способен говорить об этой области. А отдельные черты ^e не передадут все содержание. К тому же слишком редок контакт, который может обеспечить взаимопонимание. Все равно, что словами описать настроение. Звучание или цветение может затронуть глубину, но описательные слова пойдут по поверхности. Но все стремятся именно к Несказуемому. Его называют самыми различными словами, пробуют утверждать и отрицать... Даже в отрицаниях скажется ярое стремление к Непознаваемому. Каждое приближение встречается с неугасимым горением. "Скажите, скажите", восклицает человек. А затем с глубоким огорчением добавит: "а о самом то главном так и не сказали". Но если услышит о том, что ему покажется главным, то сумеет ли обойтись бережно? Редко, очень редко сумеет. Чаще ^c рацветит, разукрасит по своему и пойдет трубить, не думая, что последует за этим трубным гласом. А вреда то сколько! Один вред - сознательный, а другой без умысла. Попробуйте взвесить что оказалось вреднее. Трудно сказать, как покажет чаша весов. Эхидна старается вредительски подползти, но простак трубач тоже может переполошить всю улицу. Познать бережность уже будет славным достижением. Каждый припомнит случаи, когда самое главное оказывалось раздетым, безобразно волочимым в пыли. Люди особенно умеют поносить все, что прилежит самому главному. Особенно ярко предательство именно там. Зло готово причинить себе какой угодно ущерб, лишь бы вредить там, где ему прозреются искры самого главного. И все-таки люди тянутся к познанию. В этом стремлении скрыта и человечность и горение. Кому не удастся познать, делается врагом всего сущего. Но есть и такие, кто за каждую крупницу познанную возгорится признательностью. Где признательность, там уже и начало признания, познания, знания. Все от одного корня. Несказуемое не будет осквернено словом, но оно очувствуется. Оно ляжет в основу дружбы, содружества. Всегда, вспомним душевно содружников бережных.

МИСТИЦИЗМ.

В разных странах пишут о моем мистицизме. Толкуют врывь и вкозь, а я вообще толком не знаю, о чем эти люди так стараются. Много раз мне приходилось говорить, что я вообще опасаясь этого неопределенного слова мистицизм. Уж очень оно мне напоминает английское мист - то есть туман. Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определенности и света. Если мистицизм в людском понимании означает искание истины и постоянное познавание, то я бы ничего не имел против такого определения. Но мне кажется, что люди в этом случае понимают вовсе не реальное познавание, а что то другое, чего они и сами сказать не умеют. А всякая неопределенность - вредоносна.

В древности мистиками назывались участники мистерий. Но какие-же мистерии происходят сейчас. И не назовем же мы мистериями научное познавание, которое за последние годы двинулось в области надземные, приблизилось к познаванию тончайших энергий. Спрашивается в чем же всякие пишущие видят мой мистицизм. Если припомним мои картины, то даже сами названия вряд-ли будут соответствовать этому людскому обозначению. Припомним от самого начала: "Богатыри", "Ушкуйник", "Гонец"; "Восстал род на род", "Сходятся старцы", "Бой", "Город строит", "Сергий Строитель", "Гималаи", "Жемчуг Исканий", "Монгольский Тцам", "Конфуций", "Лаотце" и из самых последних "Тревога", "Снегурочка", "Река Жизни", "Настасия Микулишна", "Микула Сельянинович"..... Или вспомним очерки: "Борьба с невежеством", "Парапсихология", "Болезнь клеветы", "Песни Монголии", "Чингиз Хан", "Школьный учитель", "Прекрасное Единение", "Старинные лекарства", "Врата Мира", "Ч аша Неотпитая", "Оборона", "Горький", "Толстой и Тагор"..... Все это достаточно казалось бы определенно и зовет к познаванию.

Правда, мы радуемся каждому достижению, будет ли это в области искусства или науки. Мы глубоко интересуемся передачей мысли на расстояние и всем сопряженным с энергией мысли. Об этом уже давно были беседы с покойным Бехтеревым, с Рейном, с Метальниковым. Область мозга и сердца так выдвинутая сейчас учеными всего мира не может быть названа дымчатым словом мистицизм, но есть самое реальное научное познавание. Для невежд вероятно любое научное открытие есть мистицизм и сверхестественность. Но тогда и Каррель, Крукс, Оливер Лодж, Пипин и все реальные ученые будут тоже мистиками.

Дзи - древние Тибетские бусы всегда считались какими-то чудодейственными. Существовало поверие, что эти талисманы падали с неба и сохраняли разные чудесные свойства. Впоследствии в Китае пытались подделывать их, но новейшие подделки по качеству своему могли быть сразу распознаваемы. Сами по себе эти бусы очень любопытны. В Тибете их находят при пахоте - рассказывают, что молния ударила в это место, но на самом деле очевидно пахари зафрагивают какие-то древние погребения. Древность этих диковинных бус не малая и одну подобную мы видели среди находок в Таксиле. Жаль, что Тибет до сих пор не разрешает раскопок. Такие диковинны Тибетские менгиры и различные рисунки на скалах, которые достигают неолитического время. Вещевые находки дадут много неоспоримых соображений. В Киеве была найдена Астарта, а в Смоленских лесах был найден настоящий типичный ^{каменный} фаллус. Менее всего можно бы ожидать в Смоленщине такую находку. Впрочем никогда не знаешь, где именно что-то необычное найдется. Так в одном Тверском городище была найдена нами отличная готская эмалевая пряжка. Кто знает каким образом эта вещь была занесена на городище, а может быть основа городища была гораздо древнее, нежели мы думали. Так например тоже совершенно неожиданно в неолитических курганах недалеко от Суворовского имения было найдено около трехсот янтарных привесок и украшений которые происходили несомненно из местностей Кенигсберга, из Балтийского приморья. Находка была настолько неожиданна, что когда среди кремневых орудий показались эти, сварившиеся в песке, непонятные предметы, то мы менее всего мысленно относили их к янтарю из дальних мест. Таким же неожиданным образом около Извары был открыт древний могильник на месте, о котором менее всего можно было предполагать. На коровьем выгоне, где ежедневно дважды проходило большое стадо из земли торчали ^сглаженные временем еле заметные камни. Но все же удалось рассмотреть повторность этих камней и исследовать их. Как среди древностей, так и в пернатом мире однажды нас ожидало большое изумление. Был убит бурый старый ворон. На предплечьи крыла его оказался довольно значительных размеров коготь. Тогда же в шутку говорили, что не был-ли

этот ворон потомком птеродактиля.

Индия всегда была, есть и будет страной сказочной и чудесной. Неисчерпаемость возможностей Индийских сказывается в ее нерешимых противоположностях, тех крайностях которые высекают вечный созидательный огонь борений, исканий и достижений. Много сходства с Российскими равнинами и возможностями. Путешественники замечают это. Сами индусы чувствуют себя на Руси как дома и русские в Индии тоже. Недаром подобно тверитянину пятнадцатого века говорилось "от всех бед идем в Индию". Замечателен исторический факт появления Долгорукого при дворе Акбара и его особое значение.

От верхов подобных Тагору, Джагадис Боше, Даянанду Сарасвати, Рамахун Рои и до самых незаметных бродячих садху всюду найдется глубокое мышление древней веды, прекрасная Вхагават-Гита, Упанишады и всевозможные Пураны дают огромную конденсацию мысли. Древность этих памятников гораздо глубже нежели принято на западе считать. Не забудем, что в письменную форму все эти памятники облеклись после многих веков устного пересказа.

Один лик Индии доступный спешащим путешественникам явит базары, караваны и насыщенную уличную жизнь в которых как справедливо заметил еще недавно один русский проезжий, можно видеть подлинный античный мир Сирии и Месопотамии. Но за этим пестрым ликом выдвигается и другой - лик великий, выросший на пещерах Элефанты, Аджанты, Элоры. О нем же скажут и Буддийские реликвии и Сарнат и Бодхигая и Цейлонская Анурадхапура и Канди и множество других памятников, которые удостоверяют какая мощная энергия была заложена около них.

В Индии также как и на Российских равнинах вы никогда не знаете когда встретите наиболее значительного путника. Много странников, сразу не рассмотрите, кто из них несет в себе большую думу и прекрасную весть. Мы сами встречали поразительных в своем разнообразии путников. Нередко богатые караваны Тибетских геше не давали новой пищи, которая неожиданно проявлялась и была приносима самым неварачным по виду оборванным ламою. Западная пословица "по одежде встречают, по уму провожают" в Азии трудно приложима. Нельзя встречать по одежде, но по огню глаз пламенеющих мыслью. Прекрасна Индия.

Упаси вас попасть в лапы американского генгстера. Кем только он не прикинется. Произнесет весь словарь добра. Будет твердить слова о культуре. Войдет в доверие. Предложится в качестве доверенного. Выждет целые годы. Смастерит всякие бумажки. Подразными предложениями достанет подписи. Сочинит какие то "технические необходимости". Наконец выждет час, когда вы отсутствуете и, сняв плащавую маску, ограбит. Ограбит до-глы. До малейшей вещи! При этом окажется, что целая группа здравомыслящих людей подарила генгстеру свое имущество. Подлинный документ этой передачи, видите, исчез, но за то имеется доделанная "копия" сфабрикованная женою генгстера. Нужды нет, что будет доказано свидетелями, что документ никогда не совершался, - все-таки найдется и судья, который примет вместо документа сфабрикованную "копию". Найдутся некие адвокатики, которые клеветнически лживо покажут, что генгстер был ученым доктором, знатоком искусства, давнишним культурным деятелем, словом, вопреки очевидности, изобразят все что им хочется... А правда? Да кому какое дело до правды. Если захотят то покажут, что вы вообще не существуете. Генгстер изворотлив. Где нужно - улыбнется, всячески прикинется. Где и тридцать серебрянников забренчат. Где - и угроза, где - и убийство. Все пути открыты. "Закон как дышло, куда повернешь, туда и вышло". Уже давно это сказано и генгстер знает много пословиц. Знает, что у Фемиды глаза завязаны. И еще есть опора у генгстера. Он убежден, что защитить правду стоит великих денег. Но какие же деньги найдутся у ограбленных людей? И где те защитники, которые подобно Зола встанут за правду без гонорара? У генгстера найдутся и покровители, им опутанные. Даже вторгнутся они в правосудие, будут надоедать судьям телефонами. Генгстер надсмеется над целой нацией. С'играет на любой слабой струне. Где выгодно прикинется шовинистом, или меценатом - наденет любую шкуру, хотя бы овечью, чтобы скрыть свою тигровую личину. Даже разумные люди будут советовать уступить генгстеру, ибо и Спарафучиле недорого стоит. Итак вопреки культуре, вопреки цивилизации, вопреки достоинству человеческому генгстер будет царить. Он найдет хороших сиофантов и готовые отравленные кинжалы. Отчего Линдберг вынужден был покинуть Америку?

Упаси вас попасть в лапы американского генгстера. Кем только он не прикинется. Произнесет весь словарь добра. Будет твердить слова о культуре. Войдет в доверие. Предложится в качестве доверенного. Выждет целые годы. Смастерит всякие бумажки. Подразными предложениями достанет подписи. Сочинит какие то "технические необходимости". Наконец выждет час, когда вы отсутствуете и, сняв слащавую маску, ограбит. Ограбит до-тла. До малейшей вещи! При этом окажется, что целая группа здравомыслящих людей подарила генгстеру свое имущество. Подлинный документ этой передачи, видите, исчез, но за то имеется доподлинная "копия" сфабрикованная женою генгстера. Нужды нет, что будет доказано свидетелями, что документ никогда не совершался, - все-таки найдется и судья, который примет вместо документа сфабрикованную "копию". Найдутся некие адвокатики, которые клеветнически лживо покажут, что генгстер был ученым доктором, знатоком искусства, давнишним культурным деятелем, словом, вопреки очевидности, изобразят все что им хочется... А правда? Да кому какое дело до правды. Если захотят то покажут, что вы вообще не существуете. Генгстер изворотлив. Где нужно - улыбнется, всячески прикинется. Где и тридцать серебрянников забренчат. Где - и угроза, где - и убийство. Все пути открыты. "Закон как дышло, куда повернешь, туда и вышло". Уже давно это сказано и генгстер знает много пословиц. Знает, что у Фемиды глаза завязаны. И еще есть опора у генгстера. Он убежден, что защитить правду стоит великих денег. Но какие же деньги найдутся у ограбленных людей? И где те защитники, которые подобно Зола встанут за правду без гонорара? У генгстера найдутся и покровители, им опутанные. Даже вторгнутся они в правосудие, будут надоедать судьям телефонами. Генгстер надсмеется над целой нацией. С*играет на любой слабой струне. Где выгодно прикинется шовинистом, или меценатом - наденет любую шкуру, хотя бы овечью, чтобы скрыть свою тигровую личину. Даже разумные люди будут советовать уступить генгстеру, ибо и Спарафучиле недорого стоит. Итак вопреки культуре, вопреки цивилизации, вопреки достоинству человеческому генгстер будет царить. Он найдет хороших сикофантов и готовые отравленные кинжалы. Отчего Линдберг вынужден был покинуть Америку?

/из письма/

О Пакте, охранения художественных и научных ценностей. Я вполне согласен с Тобой, что всякие условия Лиги и всякие "некультурные некооперации" /как их называл Масарик/ ни к чему не приведут. С этой точки зрения Пакты являются лишь клочками бумаг и в этом Ты прав. Но моя идея совсем иная. Издавна я был членом Красного Креста, а затем и Французский Красный Крест избрал меня пожизненным членом. Таким путем я мог ознакомиться с деятельностью замечательного Дюнана и со всей историей прекрасного гуманитарного учреждения Красного Креста. Мне известно какие насмешки и всякие пессимистические поругания вызывала в свое время идея Дюнана. Ее обозвали утопией, надсмехались и ругали непрактичность великого швейцарца. Потребовалось семнадцать лет упорнейших трудов, чтобы добиться первого осуществления простой всечеловеческой идеи. Таким образом невозможное вчера вдруг сделалось вполне возможным. Конечно, и сейчас найдутся люди, которые с некоторым злорадством расскажут о том, как еще недавно итальянские бомбы поражали госпитали Красного Креста. Но эти отдельные жестокости и варварства нисколько не опрокидывают высокий смысл Красного Креста. Обругать и оплевать можно даже самые высокие изображения. Но они от этого не унизились. Разве унизились значение Анжелиуса Милле, претерпевшего вандальское нападение?

Моя идея о сохранении художественных и научных ценностей прежде всего заключалась в создании международного импульса к обороне всего самого драгоценного, чем живо человечество. Если знак Красного Креста всем напоминает о гуманитарности, то такого же смысла знак должен говорить человечеству о сокровищах прекрасных. От начальной школы и до всех общественных проявлений человек должен усваивать ясное представление о значении искусства и знания. Как Тебе ведомо, такое пикториальное воздействие является одним из самых убедительных и запоминаемых. Таким образом если школьники от своих первых же дней усвоят значение

и Красного Креста Культуры, то в конечном счете произойдет и сдвиг сознания.

В нашей переписке по этому поводу накопилось много интереснейших данных: Вот теперь мы слышим, что газета Нувел Литерар откиривает целую анкету по этому поводу и обещает дать мнение генерала Гамлена, Поль Жамо, Уго Оджетти, Биладель-фуса и других деятелей. Импульсом к этому обмену послужила статья нашего друга Де-ла-Прадела об охране творений искусства во время войны. Еще недавно один видный иностранец профессор писал мне: "вы будите, устыжаете, и не даете власть в пессимизм и уныние". Если человек устыдился - значит он уже лишний раз подумал о ценности искусства и знания, а ведь о значении этих облагораживающих предметов человечеству не мешает подумать и утром и днем и вечером. Таким образом моя мысль прежде всего была не столько о клочках бумаги, сколько об импульсе углубления человеческой мысли и тому, в чем заключается истинный прогресс. Если нам, подобно Дюнану, приходится слышать поругания, то это несколько не убавит нашего устремления ко благу. Целый архив литературы и интереснейших мнений является доказательством того, что нещетни были устремления и труды. Человечеству далеко до мира ~~и~~, и тем не менее везде возносятся моления о "мире всего мира". Казалось бы это величайшая утопия и тем не менее сердце человеческое не молится о даровании войны, хотя она и есть самое гнусная реальность нашего века. Пространственно молятся о мире всего мира и в этом цементировании пространства уже выявляется светлый оптимизм. Пусть это будет выполнено не для нас, но для хотя бы отдаленного человечества, которое нам заповедано любить. Можно быть различного мнения о современном состоянии человечества. Можно смотреть на блестящие людские более пессимистично или более оптимистично. Но так трудно живется сейчас людям, злоба и ненависть выливаются из каких то темных недр. Слабые духом не понимают, а люди даже привычные к добротворчеству часто бывают разделены нелепыми маленькими предрассудками. В пределении этих предрассудков, нам надлежит подать пример молодым поколениям. Не так уж долго осталось нам трудиться в здешнем мире и в эти финальные годы надлежит выявить все чему научи-

ло нас общение с самыми разнообразными людьми. Всякое подозрение, умаление, окаменение не может быть там, где сердце болит. Не можем мы не трудиться и не выявлять устремления сердца нашего. У каждого из нас накопилось множество ценнейших воспоминаний, которые послужат нам повсюду. Ты знаешь, что мне как и каждому из нас приходилось выносить множество клеветы. Еще недавно один друг из Парижа писал мне, что некие индивидуумы изобретали обо мне такие небылицы, что только разве не сказали, что и картины мои пишу я не сам. Но все это не имеет значения, ибо правда не ржавеет. Давно сказано: сегодня огорчение, а завтра радость.

При лесонасаждении знает-ли кто-нибудь, которое деревцо примется лучше прочих и которое первое пропадет? При посевах никто не решит, которое поле будет наилучшим, - слишком много привходящих обстоятельств. Даже самый опытный садовник не может поручиться, которое именно растение даст лучшие цветы. Опытный сеятель и не огорчается тем, что он не знает всех следствий своего труда. Также и во всех культурных работах не можем мы знать, где именно ^окажутся наиболее прочные ростки. Более того, мы даже не в состоянии предугадать, которая именно перемена или которое распадение послужит для зарождения новых полезных ветвей. Помню как А.А.Голенищев-Кутузов говорил нам, что он хочет, чтобы коллекция его не поступала целиком в один какой-либо музей. "Пусть она опять широко разоидется и даст ту же радость как и мне многим новым собирателям". Так мог говорить не только истинный любитель искусства, но и поэт. Он то знал радость собирания и любования творчеством. Знал, что эта радость особенно звучит, когда она происходит не только в официальном музее, но именно дома, наедине, когда рождается настоящее любование, а за ним и любовь к творчеству. Поэт как бы чувствовал, что творения имеют свою судьбу. Одни из них роком пригвождаются надолго к одному месту, но другие, как странники долго ходят по миру, давая радость в самых неожиданных местах. И не знаем мы, которая радость больше, не можем измерить, где именно художественное произведение нарождает наибольшие последствия. Может быть наиболее ценное молодое сердце будет вдохновлено именно в домашнем окружении. А сколько рутинных безобразных обстановок будет скрашено лучем истинного искусства. Каждый знает как нередко какое-то распадение служило импульсом для нарождения чего-то большего и более многочисленного. Говорится: "Не бывать бы счастью, да несчастье помогло". Народ предвидел через какие нежданные врата входит новое строение. Все в движении. Этим постоянным поверх человеческого разума движением создаются новые напряжения, в которых обостряются силы и опять таки рождается новое творчество. Люди не знают какие странствия произойдут для них самих. Тем более можно ли предвидеть пути вещей? Пусть все движется в новых зарождениях.

Вспомним наугад несколько значительных, музейных художников: Мазо ди Банко, Траини, Алтичиеро, Стефано да Зевин, Микеле Джамбонно, Питати, Бенедетто Диана, Эмполи, Инджелино, Ланини, Лицинио, Мачциале, Мосетто, Морандо, Герини, Буонокорсо, Ортоло, Орси, Ориоло, Пульцоне, Станцини, - можно бы назвать еще многих, многих. Они были хорошими художниками. Некоторые из них занимали выдающиеся места. Были главами академий и мастерских. Но игра рока удивительна. Многие современники их опередили. Им пришлось не раз уступать свои произведения иным мастерам. Только в веках кое что было им возвращено но и то частично. Помним как фреска Пизанского Кампо Санто меняла автора от Гоццолли к Нардо ди Чione и от последнего к Траини. Не мало таких странствий совершили произведения. Даже и в совсем недавнее время, чуть не о наших современниках спорят критики и не знают кому приписать анонимные творения. А что же сказать о веках далеких, когда традиционные сходства школ еще более прикрывали индивидуальность? Как отличить даровитых учеников Рембрандта, Рубенса, ван-Дейка от самих мастеров. Ластман, учитель Рембрандта, иногда трудно отличим от ранних работ своего великого ученика. Даже Брамер подчас напомнит Рембранта. Затем, в свою очередь, Ян Викторс и безвременно погибший при взрыве в Дельфте Фабрициус не раз бывали принимаемы за самого Рембрандта. Посмотрите в словаре Вурцбаха на множество художников Нидерландов. Не мало из них вообще не оставили картин или вернее, были поглощены другими мастерами. Подписных картин сравнительно мало. Огромное количество анонимных картин дает широкое поле догадкам и всяким временным определениям. Существуют и синодики известных картин мастеров, местонахождение которых неизвестно. Среди них можно видеть имена Тициана, Дюрера, Греко, Веласкеса. . . . . Может быть они погибли в огне, может быть уничтожены вандалами, которых не мало во всех веках и народах. Кое что может быть еще скрывается на каких то чердаках. Ведь постоянно находят новые шедевры Вермера, Гольбейна Рубенса и других лучших мастеров. Под великими именами часто скрываются неузнанные таланты и наоборот великие произведения остаются неузнанными. . . . .

"Это для будущего" /Софокл/.

Одна из наиболее тягостных для нас сказок была о нашем богатстве. Неизвестно откуда и где зародилась эта выдумка, но хлопот она доставляла много. Постоянно сыпались всевозможные просьбы, совершенно неудовлетворимые. Кто то хотел основать школы; кто то основывал детский театр; кому то нужен был печатный станок; кто то желал построить дом культуры; кто то желал приобрести именье; кому то нужно было доканчить образование.... Бесконечный список человеческих желаний и нужд, Сердце болело отказывая бедным, но что могли значить наши копейки в этом бесконечном потоке слез, и самых благородных намерений. Когда могли давали, но это была малейшая капля в океане потребностей. В то же время кто то создавал легенды о нашей роскоши. Это у нас то роскошь! - против нея мы столько писали. "Роскошь должна оставить вас". На чем же можно было сделать дальнейшие сокращения? На культурных работах? На книгах? На прекращении переписки? Но не в обычае было не отвечать на письма. Издавна полагалось, что отвечать нужно немедленно, - ведь люди ждут за морями, за долами. Каждый день промедления приносит кому то тоску ожидания. В праве ли мы порождать это горькое чувство? С расстояниями люди не считаются. Предполагают, что каждый вопрос дойдет немедля. Нельзя заставлять ждать - это будет кража чужого времени и мысли. А что может быть вознаградимее? Но как же помочь всем, кому помощь необходима?! Всегда получится большая или меньшая случайность. При этом люди не ценят косвенную помощь. Многие скажут "и чему долгие советы, когда проще сделать денежный перевод". Ну а если его сделать не из чего? Это даже не допускается. Из "достоверных" источников знают о миллионах... Нужды нет, что доказать их наличие нельзя. Сказка о богатстве - самая жестокая, самая легкопроизносимая, самая безответственная. К этому же добавится легенда о "добром человеке" и в итоге - поток просьб и требований, а затем град разочарований. Скажите: "богатства нет и никогда к нему не стремились". Никто не поверит, ибо вера в миф - самая крепкая вера. Человек верит не в действительность, но во что ему хочется поверить. Сказка о богатстве - самая жестокая.

Анатоль Франс рассказывает:

"Можно было бы дать тому безчисленные примеры. Я приведу только один. Лет пятнадцать тому назад, на экзамене на вольноопределяющегося военные экзаменаторы назначили для диктанта кандидатам неподписанный отрывок, который, будучи приведен во многих газетах, усердно осмеивался в них и вызвал большую веселость у начитанных читателей. "Где, - спрашивали они, - эти военные откопали столь смешные фразы?" Между тем они были взяты из очень хорошей книги. Это был Мишлэ, и Мишлэ лучшей поры.

Забавник, смеявшийся больше других, был большим ревнителем Мишлэ. Эта страница прекрасна, но чтобы вызывать всеобщее восхищение, она должна быть подписанной. Точно так же обстоит со всякой страницей, написанной рукою смертного. И наоборот, громкое имя вызывает слепые похвалы. Виктор Кузэн открывал в Паскале тонкости, которые потом были признаны ошибками переписчика. Он, например, восторгался "запрокинутыми безднами", происходящими исключительно, от ошибочного чтения. Трудно представить себе г. Виктора Кузэна, восторгающегося "запрокинутыми безднами" у кого-либо из своих современников. Рапсодии некоего Врана Люкас были благосклонно приняты академией наук под именами Паскаля и Декарта. Оссиан казался равным Гомеру, когда его считали древним. Его презирают с тех пор, как знают, что это - Мак-Фирсон."

Истинно - много примеров несправедливости. Случалось, что и Рембрандта отвергали и Кюро не принимали на выставку. В 1904 году я предлагал устроить анонимную выставку, чтобы дать повод поразмыслить о качестве. Но эта идея показалась страшной! Мало ли что могло произойти. Неведомые могли возвыситься, а заслуженные, чего доброго, могли потерять свои регалии. Вероятно Анатоль Франс много раз испытал условность суждений и хорошо знал все приливы и отливы. Антиквар Смирнов говаривал: "что такое подпись? Подпись тридцать копеек стоит". И отойдут и опять вернуться. Кому то будет выгодно умалить, кому то онажется полезным возвысить. И все таки "Красота спасет мир."

Грабарь в своей автобиографии пишет:

"Вскоре после этого Рерих выступает с серией картин из быта доисторических славян. Все они были талантливы, и Рерих рос не по дням, а по часам. Росла и его административная карьера: после трагической смерти Собко, попавшего под поезд, Рерих получает назначение секретарем "Общества поощрения художеств" - пост по тогдашнему времени весьма значительный, в виду близости к придворным сферам, через всяких великих княгинь, патронесс общества. Понемногу он превращается в "Николая Константиновича" и становится "особой", с его мнением считаются, перед ним заискивают. Он полноправный хозяин второй петербургской академии - "Общества поощрения". Перед самой революцией была, как говорят, подписана бумага о назначении его действительным статским советником, т. е. "статским генералом", что было связано с приятным титулом, ваше превосходительство". Чего больше? В тридцать лет достигнуть всего, о чем можно было печтать по линии слежебной карьеры! Но этого было Рериху, конечно, недостаточно. Он начал собирать нидерландцев.

Но самым главным делом для него оставалась все же собственная живопись. Он еще раз в корне переменил манеру и художественную установку, вступив в лучший, наиболее блестящий период своей художественной деятельности. Убедившись в излишней черноте картин своего предшествовавшего периода, Рерих бросил масляную живопись, перейдя исключительно на темпера. Появились те красивые, гармонические по цветам композиции, которые стали нарицательными для обозначения существа рериховского искусства: настоящее, бесспорное, большое искусство, покорившее даже скептика Серова. Особенно хороши были эскизы его театральных постановок - к "Игору", "Пер Гюнту", "Весне священной".

Для меня была совершенной загадкой жизнь Рериха. Бывало придешь к нему в его квартиру, в доме "Общества поощрения", вход в которую был не с Морской, а с Мойки, и застанешь его за работой большого панно. Он охотно показывает десяток-другой вещей, исполненных за месяц-два, прошедшие со дня последней встречи: одна лучше

другой, никакой халтуры, ничего банального или надоевшего, - все так же нова и неожиданна инвенция, так же прекрасно эти небольшие холсты и картины организованы в композиции и гармонизованы в цвете.

Проходит четверть часа, и к нему секретарь приносит кипу бумаг для подписи. Он быстро подписывает их, не читая, зная, что его не подведут: канцелярия была образцово поставлена. Еще через четверть часа за ним прибегают служитель:

- Великая княгиня приехала.

Он бежит, еле успевает крикнуть мне, чтобы я оставался завтракать. Так он писал отличные картины, подписывал умные бумаги, принимал посетителей, гостей - врагов и друзей - одинаково радушно тех и других, первых даже радужнее, возвращался к писанию картин, то и дело отрываемый телефонными разговорами и всякими очередными приемами и заботами. Так проходил день за днем в его кипящей, бывшей ключом жизни."

Но не написал Грабарь, легко ли было? А бывало так трудно, что казалось исхода нет. Помимо картин, осталось еще ведущее ощущение. Удалось давать молодежи в школе подлинное образование. Удавалось открыть молодые глаза на новые дали и вооружить их против всех страшных призраков, против насмешек невежества и мракобесия. Разбрелись широко ученики школы, но поминают душевно бывшие наставления. "Живы заветы учителя", так писал Вольтер в 1926 году в Москве.

68

Лето 1930 года мы с Юрием проводили в Париже на Авеню Камонс. Была большая квартира с длинными темными коридорами. Дом старый, но подновленный. Прислуга испанка уверяла, что она слышит в коридорах какие то странные шумы, но мы не обращали внимания на ее заявления. Однажды около полуночи Юрий проходил по коридору и услышал совершенно явственно, что перед ним кто то шел, как бы шаркая туфлями по полу. Другой раз рано утром Юрий проснулся, точно разбуженный и увидел около постели падающий горящий дирижабль. Юрий разбудил меня говоря, не произошло ли где несчастья? В тоже время погиб в Бельгии дирижабль летевший из Лондона в Индию. Но самое поразительное явление в этом доме было с черной кошкой. В восемь часов утра я вышел в столовую, где уже был накрыт стол для кофе. Столовая имела одну дверь и против нее большое венецианское окно, тогда запертое. На белой скатерти стола сидела большая черная кошка с голубой ленточкой на шее и пристально смотрела на меня яркими желтыми глазами. Мы все кошек не любим. Далекий от всяких потусторонних мыслей я обернулся к Юрию, который был тогда в спальне и сказал: "какая гадость, кошка забралась" и тот час опять посмотрел на стол, но там никакой кошки не было. Мы осмотрели всю комнату, в которой кроме буфета и стульев ничего не стояло. Спросили прислугу, которая в то время несла кофе, но ни она, ни консьержка о такой черной кошке никогда и не слышали. Так мы о нашей "гостье" больше ничего не узнали. Правда, именно на этом месте всегда сидела некая дама, которая впоследствии обнаружили все свойства черной кошки с желтыми злыми глазами. Не была ли кошка предупреждением? Сколько таких эпизодов можно записать. Однажды сенатора Кони спросили, не бывало с ним чего либо необычного, необъяснимого? Он задумался, а затем улыбнулся и сказал: "все таки был один такой случай". Оказывается Кони имел тайное расположение к одной особе. Но о своем чувстве он никому, никогда не говорил. Уже после смерти этой особы, в один из памятных ей дней, посыльный принес обемистую посылку, которая оказалась мраморным бюстом этой особы. Откуда? Кто послал? Почему? Кони никогда не узнал. Да, бывают такие посылки. И Е.И. и Юрий и Святослав знают, как из парижского банка приходит повестка о посылке. Много надземного и среди земной жизни.

Работа моя с самых первых лет была художественная и культурно образовательная. Волею судьбы с 1897 года я стоял близко к школьному делу и такое личное участие а потом и руководство еще раз со всею силою подчеркнуло насколько нужно оберегать культурно образовательную область от всяких наносов и влияний. В настоящее время именно происходит нечто противоположное. Даже назначение Нобелевских премий делается чуть ли не политическим актом. Выставки, обмен профессорами и другие культурные соприкосновения тоже становятся как бы политическими действиями. Институт Интеллектуального Сотрудничества уже прямо состоит при Лиге Наций, которая есть чисто политическое учреждение. В то же время в области политики происходят такие затмения и смущения, что было бы жаль если культурно образовательная работа оказалась бы связанной с политическими ухищрениями.

Политикой мы никогда не занимались и я знаю, что это обстоятельство подчас вызывало недоумения и даже порицания. Ни в какую политическую партию не входили и по этому поводу даже имели некоторые длительные и мало приятные разговоры. Но как от первого начала так и до сих пор остаемся безпартийными прогрессистами преданными культурно-образовательному делу.

Область культуры настолько самобытна и обширна, что невозможно в нее вносить постоянно зыблемые политические соображения. Именно незыблема область культуры и двери ее открыты всему что мыслит о созидании, о мире, о благе, о преуспевании народов. Если мы мысленно переведемся в разные прошедшие века и сопоставим их культурные достижения со всеми политическими смущениями одновременно происходившими, то еще раз станет ясным насколько область культуры образовывалась самобытно

Выдающиеся политические деятели говорили художникам, запечатлевшим их портреты, что благодаря художникам этим облик их останется. В веках стирались политические хитроумные соображения, но облик вычтенный рукой мастера оставался на тысячелетия, суммируя характер личности. Сравните быстро бегущую зыбь политическую и нерушимые научные достижения, которые через все бури земные вели человечество к совершенствованию. Итак останемся в области культурно-образовательной и творческой.

Разве не странно, что политика и культура в существе своем разошлись. Казалось бы и то и другое служат улучшению жизни, но за последнее время чванная политика как-то откололась от пути культуры. Проверим много-ли участвует художников и ученых среди политических собраний. Окажется, что лишь в малом количестве стран в законодательных учреждениях широко включены представители науки и искусства.

В чем же дело? Может быть ученые и художники вообще не желают участвовать в народном строительстве? На поверку выйдет, что их и не спрашивают и не считают вообще кандидатами для рассуждений о строе жизни. Платон утверждал что человек есть "зоон политикон", то есть существо общественное или же как некоторые переводили животное общественное. Никто бы не рискнул сказать, что с теперешней точки зрения человек есть животное политическое. Платоновская общественность не укладывается в узкие рамки теперешней политичности. Наверное в составе общественных учреждений Платона первые места предполагались для философов, ученых художников, но сейчас так называемые политики составили как бы особый класс человечества и высокомерно смотрят на все прочие профессии.

Институт Интеллектуального Сотрудничества является как бы каким-то второклассным сюкерсалем Лиги Наций. Мнение участников этого "бедного родственника" может быть заслушано в часы досуга, но никто не будет даже допускать мысль, что такое мнение могло бы лечь в основу самых существенных и новейших программ человеческих преуспеваний.

Что ни говорить, а Платоновская Общественность не имеет ничего общего с современной политичностью. Если бы великий философ увидел увешенного орденами и медалями политика, спешащего с туго набитым портфелем и рядом с ним скромного глубокого мыслителя, то наверное философ думал, что именно этот мыслитель находится в самых высших совещаниях, а звенящий звездами и орденами посподин есть лишь чиновник исполнитель, так заботящийся о самоукрашении.

Конечно, политику есть от чего чваниться. Он берет свой скальпель-перо и как операционное мясо режет им человеческие народности, не считаясь с историческими основами. Но сияние всяких звезд всетаки не затмит продвижение культуры. Не включенная во всякие высшие совещания, всетаки именно она будет складывать будущее человечества. Пусть это будет светлое будущее.

Древняя история Средней Азии сохранила любопытное указание, что в 138 г. до нашей эры китайское посольство Чжан-Цзяна к индо-скифам было задержано хуннами и лишь через пятнадцать лет могло продолжить свой посольский путь. Вот какие сроки бывали на путях длинной Азии. От древности и до наших дней многие азиатские экспедиции испытали всякие задержки и неприятности.

Был задерживаем и Пржевальский, и Козлов, бывали стычки и перестрелки с убитыми и ранеными. Одна из экспедиций Орель Стейна была недопущена китайским правительством. Свен Гедин, хотя и шел от китайского правительства, но тем не менее был арестован китайцами же в Хами. Мы были свидетелями каким задержаниям и утеснениям подвергался Фильхнер и в Тибете и в Туркестане. Дютрейль де Рейнс был убит на северо-востоке Тибета. Рассказывают, что раненый он был брошен в реку Догчу. Одновременно с нашей экспедицией погиб французский исследователь Марто.

Когда сравниваешь все эти притеснения и несчастья с утеснениями, причиненными нашей экспедиции хотанским Дао-таем Ма, а затем тибетцами около Нагчу, то даже наше замерзание на ледяных^я высотах в летних палатках оказывается не чем то особенным, а просто одним из обычных терний, так обильно растущих на Азийских путях.

При этом впоследствии вы никогда не узнаете откуда исходили всякие побудительные к утеснениям токи. Хотанский Дао-тай будет ссылаться на урумчинского Яня, а тот, в свою очередь, будет кивать на какое то правительство и притеснения неожиданно заканчиваются парадным обедом. Впрочем, что касается до парадных обедов, то наш старший переводчик Сайчен-ко всегда советовал нам лучше не есть, не садиться спиной к двери, а еще лучше надевать панцирь. Потом мы слышали, что на одном из таких же обедов был застрелен калмыцкий князь Таин лама, а затем и сам Янь был застрелен своими же телохранителями, именно во время парадного обеда. Всяко бывает. Причины задержания нашей экспедиции в северном Тибете тоже остались и по сей час невыясненными. Оба главы Тибета и Таши лама и Далай лама были благожелательны. Члены тибетского правительства дружественно бывали у нас в Даржилинге, при этом постоянно высказывались самые радушные приглашения. После

Всего случившегося тибетское правительство письменно выражало свои всякие сожаления, а устно намекало на какие то посторонние влияния. Так эти энигмы и произрастают на азийских путях. Жаль, по причине их столько полезно-научного препятствуется. Кроме этих тайно-флюидических энигм, на всех горных путях постоянно узнаете рассказы о всяких писанных и неписанных драмах и несчастиях.

Этой зимой даже около нашей мирной долины произошло несколько бед. На Ретанге замерзло четверо мусульман с лошадьми. На перевале к Малане снеговым обвалом было унесено одиннадцать путников. На дороге к Кулу свалился почтовый автобус, несколько человек было убито и много ранено. В деревне около Маникарна две женщины подрались горящими головнями и в пылу сражения подожгли скирды соломы, отчего сгорело пятьдесят домов и погибло несколько человек. Так даже в самом мирном месте за один зимний месяц погибло достаточно жителей.

Конечно, скажут - что значут эти жалкие цифры перед сотнями тысяч погибающих при землетрясениях, наводнениях и эпидемиях? Одни цифры погибших от неосторожной езды в столицах - чудовищны. При всех азийских экспедиционных опасностях все-таки нужно признать, что они несравнимы с опасностями на улицах столичных городов. И еще одна подробность - в азийских просторах вы можете оставить под защитой неба целый караванный груз. За ночь не разграбят ваших ящиков с серебром, но, увы, на улицах самых цивилизованных городов, твердящих о всех заповедях добра, вы не сможете серебро остави^{ть.} Тернии далеких пустынных путей дают прекрасные цветы шиповника.

Впрочем не будем уменьшать всякие экспедиционные опасности. Кроме людских злонамерений, вспомним все суровые проявления природы. Каждый высокий горный перевал, каждое полузамерзшее озеро - все полно опасностей. Каждый буран в пустыне, каждый степной пожар требуют напряжения всех сил и настороженности.

В этих же пустынях, когда то на сторожевых башнях пылали дозорные огни. Сколько вторжений, сколько бегств, сколько смятения похоронено под барханами "шелковой" дороги. Всего было. Но пустынные огни и пустынные повести запечатлеваются навсегда. Красивы цветы горного шиповника.

"Теперь я мог бы спросить тебя, не было-ли в твоей жизни часов, дней и недель, когда все твои обычные занятия возбуждали в тебе мучительное отвращение и все, что прежде представлялось тебе важным и достойным удержания в уме и в памяти, казалось тебе ничтожным и пустым? Ты сам не знал тогда, что тебе делать и куда идти. Грудь твоя вздымалась от смутного чувства того, что где-то и когда-то должно быть исполнено переходящее за пределы всех земных наслаждений желание, которого не смел выразить дух твой."

В сказке ли это сказано? Гофман в реальности переживал такие смутные, но правдивые зовы. Да кто их не переживал? Настоящая действительность стучалась, кричала в уши, хватала за руки, но люди в базарной суете думали, что их зовет выгодный покупатель. Тщательно оглядывались заблужденные, но их земные глаза и уши им не помогали. Где грань сказки и жизни? Как отделить реализм от натурализма? Путаются люди в этих разграничениях. Чудится, что натурализм где-то на базаре, а суровый, величественный реализм - на высотах жизни. Реалист не далек от синтеза, ибо он стремится выразить сущность, а она всегда синтетична.

Реализм не спотыкается о нагромождения подробностей, он ищет самое главное, самое выразительное, самое убедительное. Реальность - иначе говоря сущность. В то же время натурализм пытается выхватить кусок природы во всей насыщенности подробностями, в нагромождении всей пыли, всех осколков. Волна ветра унесет эту запыленность, но натуралист уже не увидит это преобразование. Сказка не есть небывлица. В сказке, в сказании выражен глиф жизни, обличенный в видимость, доступную многим векам и народам. Эллины хранят предание о Полифеме, но то же самое сказание найдется и в тибетских старинных рукописях.

Натурализм есть гнет оболочки. Реализм - сказка жизни.

Постепенно расчленяются еще недавно смешанные понятия. Этот процесс происходит около понимания действительности. Расширились сферы знания. Химия распалась на биохимию, на астрохимию и на многие отделы той же науки. Психология обогатилась различными приставками. Надземные сферы из заоблачных уже становятся областями реального познания. Реальное знание будет символом широкого преуспевания.

Поистине по всему миру ползает отвратительное чудовище, ища кого бы пожрать. Удивительно насколько оказываются затрудненными большинство полезнейших и прекраснейших начинаний. Иногда даже невозможно представить себе по какой причине человечество отрицает самые ценные достижения, в то время как миллионы, чуть ли не миллиарды тратятся на такое, о чем впоследствии человечество будет и сожалеть и стыдиться.

Среди множества полезнейших открытий встретивших на пути своем всякие затруднения, нужно вспомнить и голгофу радия, то есть вернее голгофу Кюри и Кюри-Складовской. Недавно вышла отличная книга их дочери, в ней в простых и неопровержимых словах рассказано какими трудностями были окружены оба отважных испытателя. Им пришлось работать в нищенских, тяжелых условиях и облагодетельствованное ими человечество вовсе не подумало во время облегчить их труды. А ведь это небрежение записано и останется укоряющим памятником.

Вот другая книга о Гогане, о том, как этот замечательный художник умирал бедственно накануне ареста. Таким напутствием сопровождали его соотечественники, которые потом всячески гордились, что в среде их был такой замечательный творец. В жизнеописании Рамакришны читаем о всяких лишениях, которые легко могли бы быть облегчены его современниками. Также читаем, что мать и сестра Вивекананды умерли с голода. Кроме того знаем, что и сам он претерпевал великие трудности. Примеров без конца.

Конечно Алексей Каррель расскажет нам, что человечество постепенно близится к повальному сумасшествию. Он приведет доказательства различных неестественных проявлений современной жизни. Потрясающи некоторые страницы его замечательной книги "Человек - Неизвестный". Действительно, человек остается непознанным. Но почему-же особенно не познаваемы большинство прекраснейших достижений. Помню, как в свое время не хотели помочь Врубелю, даже несмотря на его тяжкую болезнь. Лишь когда услышали, что он кроме всего прочего и слепнет, только тогда можно было пробить очерствелые сердца. Помню как Куинджи тогда ^{искорбно} сказал - "если слепнет, тогда уже наверно помогут" - точно бы слепота является залогом помощи художнику. Какое-же такое мрачное чудовище ползает по миру ища кого пожрать?

Сообщают, как отошел В.Н. Гр. "Он скончался тихо и спокойно. Перед отходом сказал, придя на момент в сознание: "Надо сменить одежду". Потом снова забылся и снова придя в себя, сказал "Совершается великий закон". И третий раз произнес "Решается жизненная задача". Более семи лет В.Н. провел в постели в тяжелых страданиях. Можно было изумляться, видя это разрушающееся тело, в котором горел ясный, неослабевающий дух. Болезнь нервных конечностей вызвала большие страдания. Материальные невзгоды тоже могли сломить возвышенное устремление. Но ничто не могло остановить вдохновенную мысль. Каждая беседа с В.Н. содержала в себе трогательные и зовущие утверждения. В.Н., философски образованный, всегда был готов к переходу. Но многие ли из людей даже готовых к отходу в мир тонкий, умеют остаться в той же твердости и ясности, когда наступает решительное мгновение? Известны случаи, когда люди очень философски рассуждавшие, в отношении других, впадали в смятение, как только дело доходило до их самих. О В.Н. могут сказать, что он имел время подготовиться в течении всей своей необычайно долгой и тягостной болезни. Сказать-то это легко, но на деле это бывает очень редко. Даже долгоболящие, даже знающие неизбежность скорого окончания земного пребывания впадают в смущение, когда они приближаются к порогу. Накопления мыслительные и философские утверждения часто бывают забыты не только при переходе через великий порог, но даже и в самых обычных житейских условиях. Также нередко перед отходом люди начинают заботиться о чем-то земном, что в конечном счете, казалось бы, не имело никакого решающего значения. Уход В.Н. тем замечателен, что в сознание его в последние минуты не проникло ничего преходящего, обиденного. Все три фразы произнесенные им в промежутках забытья показывают, что мысль его, вернее, непреложное знание его устремлялось лишь к нерушимым основам. Все друзья не будут плакать сокрушенно о В.Н., но возрадуются сердечно. Они знают, что при таком ясном сознании В.Н. и в тонком мире продолжит свою замечательную мыслительную деятельность. Для него великий порог будет лишь открывшейся завесой к великому Свету.

"Per aspera ad astra".

Химона, Рущиц, Вроблевский - уже не мало ушло из учеников Куинджи. Кажется, что и годы академии художеств и начало работы были так недавно. Но оказывается, что с тех пор уже прошла целая жизнь. В мире случились необычайные события, - которые делают наш век исключительным. Всю мастерскую Куинджи раскидало широко по миру. Обстоятельства даже лишили возможности общения. Вот и сейчас не знаю, как живет Богаевский, Латри, Рылов. В Лондоне мы узнали о смерти Химоны. Хотелось послать Рущицу весточку, но вместо того пришло сообщение о его смерти. Еще не так давно я имел письмо от Вроблевского из Варшавы и с радостью ответил ему, но ответа от него уже не получил, а теперь кружным путем пришло известие, что Вроблевский в конце марта скончался от сердечного припадка. Вспоминаю Рущица и Вроблевского вместе не потому, что они были поляки, но было в их характере что-то общее. Общность романтизма и героизма жила в обоих. Старые костелы Рущица, его густые дубравы и лесные речки и вся его земля такая многопожившая, многостраданная, все это было выражено не умышленно, но звучало от самого чуткого сердца. Также точно и Карпаты Вроблевского звучали той же нотой торжественности и возвышенности. Может быть художник в это время и не думал именно об этих качествах, но они выливались у него непосредственно. При своем последнем письме Константин Казанович прислал несколько фотографий с его последних картин. Мы порадовались видя эти твердые ясные формы и спаянность художественных планов. Вот как будто уже только пейзаж, но из за волнистых холмов ~~уже~~ показываются башни и церковные купола и в этих напоминаниях опять сказывается основной романтизм художника. Много лет мы проработали с Вроблевским в Школе Общества Поощрения Художеств. Учащиеся не только любили Вроблевского но и уважали его. Он был не только художником преподавателем, но всегда оставался и воспитателем и это качество открывало ему сердца молодежи. Истинных воспитателей всегда любят. В этом учительстве сказывались традиции Куинджи. Ведь и Архип Иванович всегда был для нас не просто руководителем мастерской, но именно руководителем жизни.

Многообразен был состав его мастерской и широкая душа Архипа Ивановича, ценила это разнообразие.

125

Не только М. Боткин, но и большинство членов Академии искали случая, чтобы обрушить "Мир Искусства". Из-за этой ненависти разошелся я с Собко и попал в подозрение у Стасова. Занятно было выслушивать различные мнения на наших выставках. Помню как Президент Академии Наук в. князь Константин Константинович поносил выставку за "декадентство". Почему же он обрушился на безобидный этюд Браза: "Зачем фонарь кривой?" Пришлось пояснить: "вероятно сломался". Ответ сильно не понравился. Управляющий Русским Музеем в. князь Георгий Михайлович однажды начал ругать выставку в более чем сильных выражениях, не годных для печати. Как председателю общества мне пришлось терпеливо выслушивать этот грубый поток. Наконец, заметив мое демонстративное молчание, в. князь счел нужным смягчить положение: "Простите меня, я говорю как солдат". "И притом имеете полную возможность". В. князь Владимир один раз при всех брякнул такое словечко, что можно было вспомнить Горького в "Страсти Мердасти" - "от моего словечка потухнет свечка". Когда был выставлен мой "Половецкий стан", который в Третьяковке, государыня Александра Федоровна, вопреки обычному своему молчанию, ополчилась против дымов половецких: "зачем грязь на небе!" Государь должен был пояснить, что это дым. Иногда даже М. Боткин вступался за искусство. Заметив, что в. князь Михаил Александрович не обращает внимания на картины, он спросил: "Видимо вашему высочеству не нравятся картины?" Михаил Александрович засмеялся: "Никакого толка в живописи не понимаю, вот в автомобилях это другое дело". Царедворец Боткин не выдержал: "А между тем по званию своему, вы, ваше императорское высочество, во всем должны толки понимать." Много чего слышался выставочный зал Поощрения. Всегда находила доброе слово принцесса Евгения Максимилиановна. Умел сказать в. князь Петр Николаевич, не только за себя, но и за брата своего. А сдерживать в. князя Николая было не легко. Далекии кажутся, как во сне, всякие нападки на "Мир Искусство". Но в свое время каждое резкое суждение могло иметь разрушительные последствия. Не то же ли самое было и с группой Крамского? Или с А. Ивановым? Со всеми кто пытался сказать новое слово. Как ругали Горького, Андреева? А Тургенева?! А Лермонтова? А Пушкина, - самого Пушкина.

Сосиски с титулом. Лондон 23 Июля.

"Американское акционерное общество по изготовлению очень популярных сосисок, которые в Соед. Штатах известны под ироническим названием "горячей собаки", обратилось к королю Георгу VI с ходатайством о возведении "горячей собаки" в рыцарское достоинство.

Фабриканты желают называть впредь свои продукты - "сэр горячая собака". В виде прецедента они ссылаются на то, что король Иаков I возвел в рыцарское достоинство ростбиф, повелев именовать его впредь - "сэр ростбиф". В петиции отмечается также, что нынешний король пробовал "горячую собаку" во время своего пребывания в Соед. Штатах." /П.Н./

Невежественные хвастуны. Париж, Июль.

"Вот как описываются похождения богини в брошюре, изданной японскими военными властями в Манчжурии. Речь идет о том, как группа китайских партизан заложила мину под японский поезд и что из этого получилось:

"К счастью, неподалеку от этого места очутились 6 солдат под командой лейтенанта Кавамото, прямого потомка самураев, из рода, насчитывающего 48 поколений. Убедившись, что поезд приближается и что никакая человеческая сила не может предотвратить катастрофу, так как полотно дороги уничтожено на протяжении нескольких ярдов, он воззвал к божественной власти. Повернувшись, в сторону Японии и смиренно склонившись, он призвал на помощь Аматерасу-Омиками, и горячая молитва была услышана. Достигнув разрушенного полотна, поезд поднялся на воздух, пролетел над опасным местом, плавно опустился и продолжал свой путь. Свидетельские показания машиниста и кочегара, а также лейтенанта Кавамото и его шестерых солдат, наблюдавших это явление собственными глазами, совершенно достаточно, чтобы подтвердить правдивость этого сверхъестественного события, которое еще раз показало всему миру божественное происхождение японского народа..." /Г.О./

Шарль Стебер издал свою вторую книгу о советской России. Первая описывала

Сибирь и крайний русский север. Только что вышедшая называется: "Центральная советская Азия и Казахстан".

Шарля Стебера критика французская рекомендует, как "знатока" не только русского языка, но и всех наречий: сибирского, финского и татарского". Его книга - путешествие по местам, "до 1917 года бывшим владениями Чингис - Хана", а ныне "процветшим, как в смысле промышленном так и культурном".

/П.Н./